

Between the Lines

2012

iwp

International
Writing Program

poetry
prose
photos

*Alex Annie Danila Daria Elena Hannah Jacob Leonid
Margaret Margo Rhowen Sasha Sofiko Stacey Tania Trisha*

Cover art: Stacey Dyachenko, Jacob Oet

Editors: Kecia Lynn, Emily Seiple, Yuliya Tarasenkova

Layout: Kecia Lynn, Emily Seiple

Photos: Kate Klein, Daria Kotova, Kecia Lynn, Jacob Oet, Sasha
Samarina, Tania Siatchikhina, Emily Seiple, Yuliya Tarasenkova

Between the Lines 2012

Между строк

Contacts

Teachers:

Alan Cherchesov

alancherchesov@yandex.ru

Camille Dungy

lctdunгы@gmail.com

Staff:

Christopher Merrill

christopher-merrill@uiowa.edu

Kecia Lynn

kecia-lynn@uiowa.edu

Emily Seiple

emily-seiple@uiowa.edu

Yuliya Tarasenkova

ruslander@list.ru

Kate Klein

katherineklein@gmail.com

Ben Mauk

benjamin-mauk@uiowa.edu

Students:

Rhowsen Dalrymple

writingfreak13@yahoo.com

Stacey Dyachenko

dragonfly014@yandex.ru

Alex Gubarev

sa6agub@rambler.ru

Trisha Kelly

iheartnoveling17@gmail.com

Daria Kotova

dariakotovaa@gmail.com

Elena Kudryavkina

perfectmalinka@mail.ru

Leonid Kyzmenko

RUSH-@list.ru; leonid_sax@yahoo.com

Sofiko Labzhaniya

kirieshka0505@mail.ru

Hannah Meshulam

hmeshulam@friendsbalt.org

Jacob Oet

jacob_oet@yahoo.com

Annie Rydland

annieryd@aim.com

Sasha Samarina

schatte-suizide@rambler.ru

Margo Shcheglova

callmeromana@gmail.com

Margaret Shultz

margaret.shultz@gmail.com

Tania Siatchikhina

syatchikhinat1995@rambler.ru

Danila Trofimov

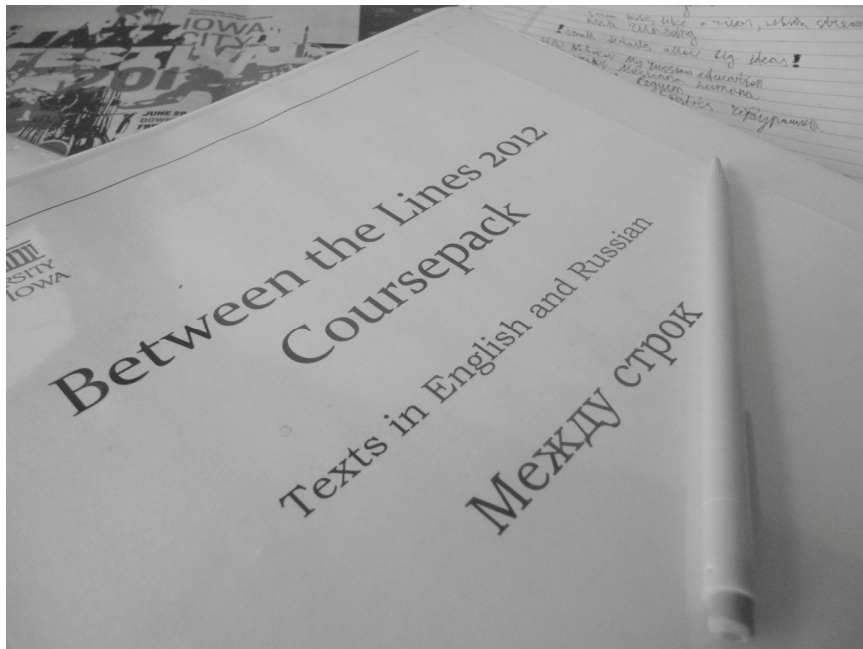
deksin@yandex.ru

Between the Lines Russia

poetry, prose, and photos
created by the participants of
Between the Lines Russia,
facilitated by
the International Writing Program
at
The University of Iowa

Printed in
Iowa City, Iowa, USA
July 11, 2012

Acknowledgements

Grateful acknowledgment is made to the following:

Christopher Merrill and the staff of the International Writing Program, University of Iowa

Jill Staggs, Bureau of Educational and Cultural Affairs, US Department of State

The teachers at Between the Lines: Alan Cherchesov, Camille T. Dungy

The on-site staff at Between the Lines: Kate Klein, Kecia Lynn, Ben Mauk, Emily Seiple, Yuliya Tarasenkova

Guest lecturers: Hinemoana Baker, Chandrahas Choudhury

Sarah Smith and Kemal Tarba, US Embassy, Moscow

Susan Jutz, owner and operator, ZJ Farm, Solon, Iowa

Jan Weissmiller, owner, Prairie Lights Books, Iowa City, Iowa

Emily Silliman

Between the Lines was made possible by generous funding from the Bureau of Educational and Cultural Affairs, US Department of State.

Table of Contents

Foreword	9
Rhwen Dalrymple	10
Stacey Dyachenko	14
Sasha Gubarev	16
Trisha Kelly	22
Daria Kotova	26
Elena Kudryavkina	30
Leonid Kyzmenko	32
Sofiko Labzhaniya	36
Hannah Meshulam	40
Jacob Oet	44
Annie Rydland	50
Sasha Samarina	54
Margo Shcheglova	58
Margaret Shultz	60
Tania Siatchikhina	66
Danila Trofimov	70
Acknowledgements	75
Contacts	77

окончен шквалом аплодисментов непонятно кому и непонятно
зачем.

в мире.

И вот последний косяк идущих на смерть переступил порог. Профессор некоторых студентов видел чуть ли не впервые. Оно и лучше, эти хотя бы не раздражают. «Господа, проходите, прошу ваши тубусы, покажите чертежи. Хотя, нет. Вот Вы, пожалуйста, просто откройте крышку, дайте сюда тубус. Хороший тубус, давайте-ка посмотрим, не выйдет ли из него хорошей подзорной трубы. Что-то тут темно у Вас, в тубусе-то. Для трубы не сгодится. А чертеж, вроде, ничего. Четверка Вам сойдет? Вот и славно. Присаживайтесь к остальным, берите карандашик и лист, перерисовывайте картиночки с доски. А вы, господа, кладите на пол чертежи. Так. Теперь топчите. Хорошо-хорошо. Вот Вы отлично топчите, я Вам четверку поставлю. А Вы уж что-то совсем ленивы, Вам только тройку, извините. Достаточно. Берем карандаши и листочек, садимся за парту, рисуем».

Весь курс старательно перерисовывал фигу. Всё, как на доске. Как только кто-то приносил свою фигу профессору на проверку, каждый раз находился новый недочет. Горе-студенты один за одним отправлялись на «перерисовку». Некоторые сидели уже пятый час. Кто-то чуть ли не со слезами на глазах молил о пощаде и просил отпустить, призывая к преподавательскому милосердию. «Но Вы же столько времени сэкономили, не посещая мои лекции, будьте добры, присядьте, потратьте на старика немного своего драгоценного времени».

Прошло еще два часа. Народ начал сильно нервничать. «Сдаем работы. Так. Сдаем зачетки. Так. Сидим пока». Профессор что-то черкал на листах с фигурами, стесняясь собственной улыбки, улыбался, расписывался в зачетках. «Всем спасибо. Позабавили деда. Поздравляю с успешно прослушанным курсом по начертательной геометрии. Зачетки на столе. Разбираем». И, закулив сигарету прямо в аудитории, он вышел. Экзамен был

Foreword

“Writing makes a map, and there is something about a journey that begs to have its passage marked.”

Christina Baldwin

Sponsored by the Bureau of Education and Cultural Affairs at the US State Department, *Between the Lines* is in its fifth year. Yet this anthology also marks a new beginning for the program, as its pages contain a mingling of Russian and American voices. Sixteen students came from big cities and small towns on two continents to share themselves and their stories. Together, they make up the first class of *Between the Lines Russia*.

For many, this was their first visit to the United States, while for one, it was simply a matter of crossing town. Despite the distances traveled, *Between the Lines* continued to offer new opportunities for participants to learn, to grow, and to proudly proclaim, “I am a writer. Я писатель.” They join a large and very special multigenerational and international family of writers and readers who call Iowa City a literary home.

This home is indeed one that expands, and it has been enriched by the creativity and lively dedication of the group whose writings fill these pages. The community of friendship and support they have built for themselves is aptly demonstrated on the cover of this booklet, where the much-beloved Russian character Cheburashka waves an American flag. It is a privilege to have played a part in bringing this particular group of writers together, and as always, our hope is that they will continue to encourage each other in the years to come.

Fort Collins, Colorado, USA

R D
H A
O L
W R
E Y
N M
P
L
E

Балаган

Первая сессия. И первым экзаменом, черт его дери, оказалась начертательная геометрия. Никто не боялся. Все, конечно же, ходили на каждое занятие, понимали каждое преподавательское слово с полуслова, шелестели бумажками, скрежетали ручками, в общем - с упоением слушали лекции. Конечно же!

По пятницам на доске всегда гордо красовалась фига. С утра идешь в институт, солнце так хорошо греет морду, ты мысленно уже на выходных, запархиваешь наивной бабочкой в аудиторию, а с доски передает привет тебе фига. Думаешь про себя: «Это ты, дружок, наверное, не вовремя зашел». Скучаешь. Через тысячу лет звенит звонок. Уходишь. И в следующую пятницу уже настороженно так переступаешь порог аудитории: садишься, настраиваешься, поднимаешь глаза, а на доске, что же на доске? Фига!

Балаган начался сразу после первого сентября. Седой профессор что-то с жаром талдычил на марсианском, зарисовывая фигами всю доску. Скучнее становилось от пятницы к пятнице. Ряды редели. Суббота теперь приходила раньше на один день.

Вестники с фронта, отважные борцы с ленью, те brave мужчины, что отчаянно старались посещать добрую половину лекций, однажды принесли печальное донесенье: к экзамену будет допущен лишь тот, кто принесет чертежи. «Пересечение пирамиды и плоскости». «Построение выреза в конусе». «Развертка пересекающихся поверхностей многоугольников». Мужики, у нас большие проблемы!

Судный день грянул сразу же после январских пьянок. Второй час экзамена подходил к концу. Паника нарастала. Скользкие от пота тубусы то и дело с грохотом падали пол. Никто не выходил из аудитории, где проводилась самая страшная пытка

D T
A R
N O
I F
L I
A M
O
V

Moscow, Russia

Summer 1995

Summer 1955, I, Sybil Stewart, found myself in Quincy, Alabama. The train had pulled into the station at half past ten in the morning, leaving me in the simmering heat of the midmorning sun. It was deserted, the station was. I had expected crowds of women decked in light flowing pastel colors and large brimmed hats that kept their dainty faces fair and southern gentlemen waiting to open doors and help me down from the steel train steps. But that wasn't the case. Instead I stood on a decaying wooden platform all to myself with the sun beating down. The heat was sticky and oppressive. I could already tell it was going to be an *amazing* summer. My grandmother was supposed to pick me up. But my only company was the worn leather suitcase at my feet. I did have the address of the house written down on a scrap of paper, somewhere. I scrounged around in my skirts pockets until I found the crumpled piece of paper: 302 Pleasant Road Quincy, Alabama. Granted, I had no idea where Quincy, Alabama was, but I figured the dirt road leading away from the station under the cotton would trees was the best bet. It was either find the house, or die of heatstroke. So I picked up the old leather suitcase and began to march down the road with the dust gathering at my feet. At first I was pleased with my own initiative, thinking for myself for once, proud of my own maturity, but as the morning wore on, I began to doubt myself, as well as the fact that my grandmother was actually alive. It seemed like it had been hours. I had expected my grandmother to drive up the road while I was walking. Did she forget that her only grandmother was coming? From what I remembered of my grandmother from childhood she looked like she would stab anyone who forgot something important. So the old hag had probably died in that old house of hers. And now I was stuck here to die. I looked down the road. Tall scraggly trees lined the road, as well as the scaly, dead-ish grass reaching up to the sky. I knew Quincy was 7 miles from the

station. But I felt like I had defiantly walked more than 10. And who built the Quincy Train 7 miles from town anyway? I strained my eyes to see further down the road. Could it be? Civilization? Looking down at my soaking blouse and skirt dripping with sweat as I was momentarily ashamed. But the small house gave me hope. Finally! Finally! Finally! I was there. I would be stuck at my grandmother's all summer, but I was there. NO! a deserted shack, sunken and gray, with open dusty windows. I heard a creaking behind me and jumped. In my misplaced excitement about the disappointing shack I had failed to notice the town of Quincy Alabama.

Храм Василия Блаженного для меня нечто столь удивительное, уникальное! Ведь он совсем не похож на своих собратьев. Те издревле стоят скромные со своими неброскими, бледно-белыми стенами. А собор что на Рву в Москве будто и не брат им, а самозванец чужеземный: так и красуется яркими куполами в разноцветных узорах и стенами из красного кирпича. Нет, не в родню он пошел...так и хвастает своими восемью причудливыми башенками. Купола на них напоминают восточные конфеты богатого купца, привезшего невиданные сласти из знойной Азии. Значит, есть чем хвастать этому великолепному творению! Он так и радует глаз туриста своими сочными красками, в которых чудак-художник разбавил немного солнца.

S D
T Y
A A
C C
E H
Y E
N
K
O

Moscow, Russia

Today I've met the heaven-infant,
I saw at once it was an infant
For it was delicate and pure,
And lovely-pale, and soft-lightblue.

The child was swaddled with the clouds
By thoughtful Nature - loving mother.
It's breath was full of swallow's sounds
But still serene: it wasn't bothered.

If you would like to get acquainted
With this huge but little child,
Let the dawn get you awakened
And, I beg, be in a lovely frame of mind

As all children feel so keenly
How you treat them, what you think.
If you're kind, they look affectionately
And it seems as though you sink

In a world that is so light,
Truly genuine and kind.

T S
A I
N A
I T
A C
H
I
K
H
I
N
A

Krasnodar, Russia

The Spirit of Currier Hall

Dear BTLer, if you crave
A tale of ghosts and gloom
And, if you are truly brave,
Go to the Multi-Purpose Room.

Near the entrance, to the right
Mounted on the wall
There is a story that will fill you with fright
Of the Ghost of Currier Hall

It tells a tale of three young girls
and their untimely fall
And how a spirit forever haunts
The dorms of Currier Hall

I've met this ghost. I do not lie.
While singing in the shower stall
I heard the hollowing reply
Of the Ghost of Currier Hall.

I thought my life was at an end...
That wasn't true at all!
In fact, I managed to make friends
With the Ghost of Currier Hall.

And so the story ends, my friend.
Remember this: the ghost
That haunts the dorms of our Currier Hall
Is an amazing host.

A
L
E
X

G
U
B
A
R
E
V

Syktyvkar, Russia

Letter to Christina from Iowa City

The painting is trying to tell me a scream.
I have written a poem like a Chagall horse,
Taller and bluer than any town
Or black like a Rhinehart in three parts
But on the farm I pull weeds and
My hands are just hands –
Fat instruments of life
When the sun set over the Grant
Wood hills and we rode on bales
Of hay back up to the house, everyone
Said the sky was lovely, but I thought,
“I planted every god-damn tomato
in this field,” and from suffering
came fierce, protective love. I
believe in art as prayer. I believe
in farming as prayer – a multi-
hued chard field and a broken
Picasso vase laid out on a
Sacrificial altar, guided from
Inception to consumption by human
Hands. Farmers, fire-makers,
Runners though tall grass –
We are more alive than you and
We know it, thick calluses grace
Our palms. We have smelt sweat
In the sun and sat for days on end
Telling a bed of lettuce or a blue horse
How to scream.

Год спустя

Странное начало скучного дня. Солнечные лучи светом ударили по моим глазам. И я проснулся.

На будильнике было 8:56. Ещё четыре минуты сна не помогли бы мне выспаться. Скинув одеяло, я поднялся на ноги. Оглядел комнату и прислушался к тишине. Утром в моей квартире было очень тихо, как и днём и вечером. На полу валялась книга, которую я читал этой ночью. Наверное, она была интересной. Но я этого не помнил, как и всего остального. Может быть, чай вернёт мне память... Проверим. Открыв дверь своей комнаты, я почувствовал аромат весны. Нежный, терпкий и довольно тёплый воздух заполнил мои лёгкие.

Заварив себе чаю, я вернулся в комнату и сел за стол. Он был загромождён книгами, документами, рисунками и разными канцтоварами, а справа была подставка под чашку, привезённая кем-то для меня из Финляндии. В углу красовались цифровые часы. С помощью них я узнал дату и день недели. Суббота - Выходной. Мне взбрело в голову, что надо открыть мою записную книжку и выяснить причину такого раннего подъёма в выходной день. Мои глаза пробежались по всем записям, дойдя до последней из них. Дел на сегодня не было. Удивление пробежало по моему телу со скоростью света.

"А где мой телефон?" - спросил я себя. Старый, не сенсорный, но довольно удобный телефон был в моей холодной руке. Ух, ты, сообщение.

От: Дианы.

"Друг мой, ты, когда решишься отдать мне мою книгу? Давай завтра часов в десять встретимся в нашем любимом кафе, в центре набережной, и ты мне её отдашь?"

Сообщение пришло в пятницу. То есть вчера.

"Да я помню про кафе, но Диану не очень, ладно буду собираться." - подумал я и швырнул телефон на незаправленную кровать.

Кафе было на восемь ступеней выше набережной. И мне было видно всех, кто проходил мимо. На столе нарисовалась чашка кофе и яичница. Я сидел и наблюдал за приходом утра в нашем городе. Я достал из портфеля книжку, которую должен был отдать. "Год спустя" имя автора было стёрто. На первой

страннице была аннотация.

"Вы не обращали внимание на ваши поступки, слова, чувства. И как к этому относятся другие. Нравятся они им или нет. Как и наш герой. Теперь вы можете посмотреть, к чему это приводит в будущем. Он сам его создал, и у него не будет возможности исправить свою жизнь."

Неплохо было бы посмотреть на будущее глазами прошлого. На обложке книги красовались старинные часы с современным цифровым циферблатом. Время на них было такое же, как и на настоящих. А стрелка настоящих уже перевалила за полдень. Заметив это, я достал из кармана телефон и нашёл номер Дианы. Вызов.

Гудок раз, Гудок два, Гудок три.

- Алло, - нежный и звонкий голос прозвучал в моём динамике.

-Здравствуй.

-Джон?! Какого чёрта ты мне звонишь? - теперь в голосе появилась нотка злости.

-Ты хотела забрать книгу. Я сижу и жду в кафе у набережной.

-Не смешно Джон! Книгу ты мне уже отдал. Спасибо!- это слово она выделила, как будто я был очень виноват, когда отдавал эту книгу.- Больше сюда не звони. Забудь этот номер!

- Но... я не договорил, а разговаривать с телефонными гудками не было желания.

Что произошло?! положил перед собой телефон и продолжил сидеть за столиком. Людей на набережной стало больше.

Две девушки остановились напротив меня.

-Смотри- ка знакомые лица- сказала одна из них.

-Ага, что же его занесло сюда?- сказала вторая.

- А ты что скажешь, а?- данная фраза была обращена ко мне, но было бы глупо отвечать человеку, которого не знаешь; - Ты что оглох?

-Давай к нему подойдём; - предложила вторая, и они сели за мой столик, их лица были мне знакомы, даже очень.

- Кто вы? - растерянно спросил я.

-Ты уже своих дру... - последовала короткая пауза;- бывших

Shambaugh House, Morning

The mist hung low against
The river, brushing its lips, I
Was cold. I could not tell
Apart the shadows of the trees
On the water from the mist on
The water, I was running but
I forgot I was running and began
To dream. These high
Branches of love, we climb
And saw and bellow, catch
Apples when they drop. I
Have used two forbidden words –
I know, am sorry. The
First poem of the day is a
Cold sore on the mouth
Of death. Sometimes
I no longer remember
Images and wake in a
Well of mists, running,
The taste of apples
On my tongue.

Advice

On the Plymouth of rivers, that pinnacle
Where eagles fall and vines tackle
Only to be blown like so much fluff
By the wind – on that peak, when
Fog is raining sideways and the
Sun practicing death, standing
Peering at the scrape of rocks
And the tumult of greying air, you can,
If precipitates form in your open palm
And you imbibe new lamb's blood,
Remember your birth.
You may watch a bird dive,
Cut and flatten the stripped,
Flaying air. You may, if you choose,
Eat the berries that grow at the
Cliff's edge –
But that is unnecessary. Walk down
Through the forest and
Forget the precipice – it is no good.
You would do better to shut
Your eyes and walk around,
Banging into rocks.

друзей не узнаешь? - спросила первая, кажется, я даже вспомнил её имя, Сара...

-Да он идиот, что с него взять?- ответила вторая, её имя было Надин.

-Давайте без оскорблений! Я вас не помню. Но вы меня да. Расскажите мне кто я, и почему Диана так на меня обиделась?

-Да как ты можешь этого не помнить! Забыть такой идиотский поступок вообще нельзя! Диана из за такой бездушной свиньи как ты места себе не находит уже целый год!
- Сара встала и ушла.

Надин кинув на меня злобный взгляд, сделала тоже самое.

Я ничего не понимал... Взяв в руки телефон, я начал рыться в нём и нашёл кучу фоток с Дианой (увидев эту фотографию, я узнал её)

Мы были больше чем друзьями. Намного больше... Даты фотографий были свежими. Они были сделаны в этот четверг. Но что могло случиться за один день?

Заплатив за завтрак, я вышел из кафе и подошёл к обочине набережной, за которой расположилось море.

-Джон!- меня окликнули- Джон! Я здесь,- посмотрев на звук, я увидел парня лет 17. Который направлялся в мою сторону; - Привет Джон.

-Здравствуй.

- На тебе нет лица, что- то случилось? Или просто кончились сигареты? - усмехнулся парень.

-Я не курю...

-Ну да конечно,- я не мог полностью вспомнить его имя, только первые две буквы Дж.. - После вашей ссоры с Дианой ты дымишь как паровоз. Уже целый год от тебя за километр несёт никотином.

- Но год назад я её даже не знал!

-Год назад вы уже активно встречались! А потом эта ссора... - голос Джека стал грустнее.

- А из- за чего мы с ней поссорились?

- Ты сам должен это знать. Да что с тобой, чёрт возьми?

- Я не знаю... я ничего не помню, не помню нашей с Дианой ссоры, почему у Сары и Надин так злы на меня, и почему ты думаешь, что я курил? Мне, конечно, понятно, что сегодня ...ое

Апреля 2011 ого года, это всё в чём я точно уверен, - в последнем я всё так был не прав....

-Какого года?! Сейчас ...ое Апреля 2012 года, друг мой!- поправил меня Джек; - Подожди куда ты?!- крикнул он убегающей фигуре.

- Мне надо кое- что узнать! Увидимся позже, - ответил я ему и подумал " А может быть и раньше."

Как мог незаметно пройти целый год? И что же всё- таки случилось? Сколько вопросов.... Надо догнать Сару и Надин.

Лёгкая пробежка по набережной это хорошо, но бежал я быстро из- за чего устал и запыхался. Фуф, Догнал, но Сара шла уже одна.

- Сара! Подожди!.

-Что, вспомнил?

-Нет, но ты должна мне помочь в этом.

- Я тебе ничего не должна! Ты разбил моей подруге сердце - крикнула мне в лицо Сара, ускорив шаг.

-Я хочу это исправить. Только не знаю что " Это".

- Твои проблемы!- её безразличие в голосе окончательно убило меня.

- Но я люблю её, - почти шёпотом сказал я; - Люблю; - я этого не помнил, но чувствовал.

Слева красовалась одинокая скамейка. Я сел на неё и закрыл глаза ладонями.

-Не убивайся. Слишком поздно ты опомнился,- голос Сары прозвучал так неожиданно, что смог напугать меня, но я слушал её очень внимательно- Вы поссорились с Дианой из- за Юлианы. Ты сказал ей, что у тебя нет девушки, и вы встретились с ней в том Кафе, за тем столиком, где должны были увидеться с Дианой. Увидев вас, она заплакала.

- Кто такая Юлиана?!

- Не знаю, - ответила Кейт и продолжила рассказ;- ты подошёл к ней и начал успокаивать. Именно тогда вы и поссорились. Ты пытался ей сказать, что вы с ней друзья, но это было бесполезно. В это бы не поверил никто. - Даже я сам бы в это не поверил; - она оттолкнула тебя и села на эту скамейку. Она долго плакала. А когда опомнилась и открыла глаза, она увидела книгу, которую ты должен был ей отдать.

- Какая же я свинья.

Marooned

In the place with no wind I wind,
Snakelike, from shrubbery to
Shrubbery in search of the water
That passes through me in milky streams
At the seams of the canyons where
For many years, it seems, I
Have made my home. I
Have been lost for so long wilderness
Has become my refuge and when the sky
Is rude I am rude right back - with
Wisps of hand I clench and unclench
The cactus. Give me your flesh! Flesh out
A dream and you know it's broken, we
Have not spoken for many years and nearly
I have given up on the taste of a home-
Cooked meal – rocks are my father and the dirt,
my mother, and the coyotes at night,
with their remnants of howls, they are no relations
of mine. Mind you don't loose your way. In the
Place with no wind I wind, stirring the air,
Saying, "Pillows! Bookshelves! Hats!" to the walls
Of the canyon streaking up to the top.

Iowa City, Iowa, USA

**M S
A H
R U
G L
A T
R Z
E
T**

- Согласна, - сказала Сара, когда я поднимался со скамейки. Я вернулся домой. Вытащил книгу из портфеля и начал её читать. И опять заснул.

Я проснулся от своего телефона. На который пришло СМС. Это было тоже самое сообщение от Дианы с просьбой встретиться.

Глазам не верится! ...ое Апреля 2011 ого Года! Судьба предоставила мне шанс всё исправить! И я знал что делать.

-Доброе утро милый Джон,- ответила мне по телефону Юлиана.

- Доброе. Юлиана извини, но я тебя обманул. У меня есть девушка, которую я люблю. И я думаю, что нам не стоит больше общаться,- сказал я.

- Ах, ты сволочь! Как ты мог меня обману... - я повесил трубку.

Ух, ты 8:56, пора собираться.

Я подошёл к кафе. И увидел, как в моём любимом кафе за моим любимым столиком сидит моя любимая Диана. Я стоял и смотрел на неё. Она повернула голову и увидела меня. Между нами было 10 шагов и восемь ступеней. Мы пошли на встречу друг к другу. Сделав 5 шагов и преодолев 4 ступени, нас отделяла только одна ступенька.

Её весеннее платье прекрасно смотрелось вместе с её весенней улыбкой.

-Знаешь я, кажется, забыл книгу... прости.

-Главное что ты пришёл,- её голос такой же нежный и звонкий как и в следующем году.- Мне приснилось, что ты забыл про меня и сидел в этом кафе с другой.

- Как тебе могло такое присниться? Я никогда не забуду про тебя, - мне так хотелось добавить слово "Больше", но оно могло слишком сильно повлиять на будущее.

Она сделала шаг навстречу ко мне, и я обнял её.

-По- моему ты изменился... с грустью сказала она;- Но мне это нравится- и на её лице вновь засияла улыбка...

Этот миг был самым важным в моей жизни, как и любой другой миг, когда Диана была рядом...

T K
R E
I L
S L
H Y
A

There was a little goblin
A little stone goblin
I saw him sitting there
On dry and yellow lawn
He didn't look so scary
So I came back, I dared... –
To find that he was gone!

Northport, New York, USA

Moscow, Russia

M S
A H
R C
G H
O E
G L
O V
A

Boston

Mr. Thomas Thurmer stood on a wet sidewalk, his trench coat dotted with plops of rain, and his long flop of hair dripping. In actuality, Mr. Thomas Thurmer's hair was not very long at all, but it was a few healthy inches down his neck. Mr. Thomas Thurmer had kept it this way since an accident that occurred four years and five months ago, when he backed into a steel post at his place of work and embedded a nail in his flesh. A worrisome scar could be seen if Mr. Thomas Thurmer's hair was wet, such as today.

He had been born in an ordinary hospital at an ordinary time (8:01 P.M.) from an ordinary woman (whose last name was decidedly not Thurmer). He had always carried a dopey look about him, as though he was quite not there but there enough. (Observe, for example, his forgetting an umbrella on a day with a clear chance of rain, 80 %.)

A dull childhood led way into a dull adolescence with no bouts of "finding oneself," and that brought dear Mr. Thomas Thurmer to the bus stop, on the way to his dull job that was sometimes dangerous, although Thurmer didn't recognize it when the conditions changed.

Mr. Thomas Thurmer lived his meticulous life all in one city with hardly any desire to leave at all, and that city was Boston.

Boston, incidentally, happened to house the one thing that would give spark to Mr. Thomas Thurmer's odd, unfocused gaze. It was a band entitled "Boston," and the beginning of the one-sided love affair occurred in a night of late July, when Mr. Thomas Thurmer, being completely and totally himself, walked into a bar by accident. This bar was showing the then-unheard-of Boston, and he stayed inside the entire night to listen, save for the few minutes spent vomiting on the sidewalk. (Thurmer's stomach was not strong; never had been.)

The band's first album, "Boston," came out a mere six months later, at which point Thurmer was traveling across the state of Massa-

chusetts to hear the same songs over and over and over. When the album came out it was an instant hit; Mr. Thomas Thurmer was quite delighted that his one true love had earned the recognition he thought it deserved. Boston's first album was put together quite nicely, neat and orderly, although it thrummed with a sort of energy Mr. Thomas Thurmer could never feel beyond the music.

However, Boston's albums after that, while quite popular, never lit up the music stage the way "Boston" did. Thurmer remained a fan, though, with his stringy hair and unchanging eyes and long line of beginnings abandoned. He never was anything but Mr. Thomas Thurmer because no one had ever wanted to take the effort to become close enough to warrant a "Tom" or "Tommy." And thus the only way Mr. Thomas Thurmer pretended to live was through Boston in their one album "Boston," that one set of songs speaking to him until even that went away.

As for Mr. Thomas Thurmer's death, he went before his love faded; in fact, on the very same morning we spoke of, he was hit by a bus.

And if God

One day will allow us to grow,
please,
let me know.

46 слов о безразличии

За сотни миль от меня есть планета. На ней нет ни тебя, ни меня. И там никогда не идут дожди. И смеяться там нельзя. И писать письма, а после жалеть о написанном. Там никто не рождается и не погибает.

А я здесь и мне...все равно.

* * *

Шаг влево, шаг вправо – как глупо.
Мы с тобой в унисон не правы.
Жадно пьем мы из сточной канавы,
Пьем и плюем, снова пьем и ругаемся грубо.

Шаг влево, шаг вправо – как в вальсе,
Когда из засады палят нещадно по танцорам.
Мы с тобою молчим. Молчим хором.
И в мыслях лишь: «Сдайся мне. Сдайся».

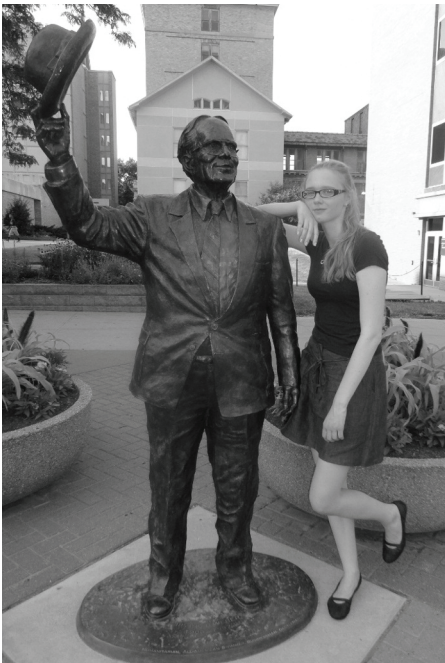
Шаг влево, шаг вправо, шаг в бездну.
Шаг за грань моих бледных строк.
Тот, кто случайно сделал больше, чем мог,
Глухо рыдает от того, что ему тесно
На просторах этой горькой пустоты,
И ни конца, ни края...только я и ты.

D K
A O
R T
I O
A V
A

Smolensk, Russia

(In)consolable

Comparing to wind, we're stones,
grey,
unbearably heavy,
unmoved.

Comparing to skies,
we're fragile small bones
of mice,
just beginning to rot,
as clean as mud
and disgusting.

Comparing to stars,
we're crumbs
of stale bread wrapped by must,
and by dust.
We're rancid and poisonous,
we're inedible
even for black starving vultures.

But comparing to ashes, we're roots.
We're hidden in ground,

tiny, weak, but not buried,
reaching out for light, reaching out for breath,
denying disasters and death.
This could be the end of the story,

but it's not.

Moscow, Russia

Айова- Сити. Июль.

Шесть часов . Все двери еще закрыты. Где-то недалеко, чуть ниже спокойных сонных улочек, струится и золотится поднимающимся солнцем река, берущая начало от древних ледников. Прибрежные заросли, кусты и кроны деревьев постепенно наполняются разноголосым звучанием. По мосту, мягко шурша колесами, проехала машина. Проехала так тихо и аккуратно, как будто боялась разбудить белые и красные дома, сбегающиеся к берегам с обеих сторон города. Через дорогу перебежала белка. Прыгая, потащила орехи из парка в свое жилище, затерявшееся в ветвях дуба возле коттеджа напротив. Почтальон лениво прокатился на велосипеде по ровным дорожкам, разбросав по зеленым лужайкам свежую «Daily Iowan». Две девчушки – самые ранние птички-медленно бредут прямо по проезжей части, перекидываясь время от времени парой слов. А вон там кто-то уже отправился на пробежку, стало быть, пора проснуться всем. Жужжание пчелы над клумбой. Короткая бодрая трель птицы. Запоздало раскрывшийся бутон. Поворот ключа, и открыта дверь. Утро. Пройдет еще несколько часов, прежде чем жизнь разольется по улицам, обрушится веселым шумом через окна и стеклянные двери, прежде чем она успокоится и потечет неторопливо и широко, как та река внизу. Здесь все наступает постепенно, словно ревниво соблюдает свою очередь. Заводятся машины, и начинается деловитое движение по прямоугольникам и ромбам дорог. Сонные студенты мчатся за автобусом, таким большим и беззаботным по сравнению с ними. Трава на газонах ловит капли воды. Собаки стараются бежать впереди хозяина, обрывая поводки. Пахнет молоком и поджаренным хлебом. Никто не слоняется по улицам просто так, все только торопятся, звонят, устраивают и отменяют. Бурундуки и те глубокомысленно и

сосредоточенно роются под деревьями. Теперь у всех свои дела и цели. Полдень.

Все теплее, теплее, душнее. Термометр на углу показывает 96. Жизни становится жарко, ей хочется пить, она закрывается в домах, включает кондиционеры и застывает. Два кота в старом книжном магазине смотрят друг на друга, прищурив глаза. На небе – след от самолета, проплывшего в синеве с полчаса назад. Солнце безучастно висит дешевой галогеновой лампочкой. Боясь опалить о него свои перья и заполыхать еще сильнее, низко к земле пролетела красная птица. Деревья покрываются липкой пылью, которая смывается теперь только осенними дождями. Сухой ветер подбрасывает на асфальте, как на сковороде, до кружева изгрызенные гусеницами листья. На опустевшей улице звучит музыка: играют на пианино, охлаждая воздух чистыми аккордами. Глянцевые жуки прячутся под кустами мяты, зарываются в иссохшую траву у обочины. Империя жары вступает в эпоху триумфа. День.

Часы тянутся безжалостно медленно. Им сложно пробраться сквозь загустевший прокаленный воздух, но вот они смогли, и осталось несколько минут. Колокол бьет, и тотчас, почти одновременно, все приходит в движение, имеющее другой смысл и цель. Опять катятся машины, но уже не деловито, а расслабленно, сами по себе, отдыхая от дневного зноя. Позвякивая серебристыми звоночками, едут велосипеды, и птицы встречают их радостным пением. Мать зовет ребенка, и тот бежит к ней по дорожкам, провожаемый солнцем, уже насытившимся своей полуденной жестокостью. Опрятная старушка выходит в свой небольшой садик, чтобы посмотреть, не надо ли прополоть изящно оформленные клумбы цветочной пестроты. В скоплении центральных переулков и улиц десятки маленьких кафе работают

from the curse of the writer: perfection. But it's your prized artwork, that beloved notebook, full of your insane thoughts. Ultimately, this is why we're all here, isn't it? We're *obsessed*.

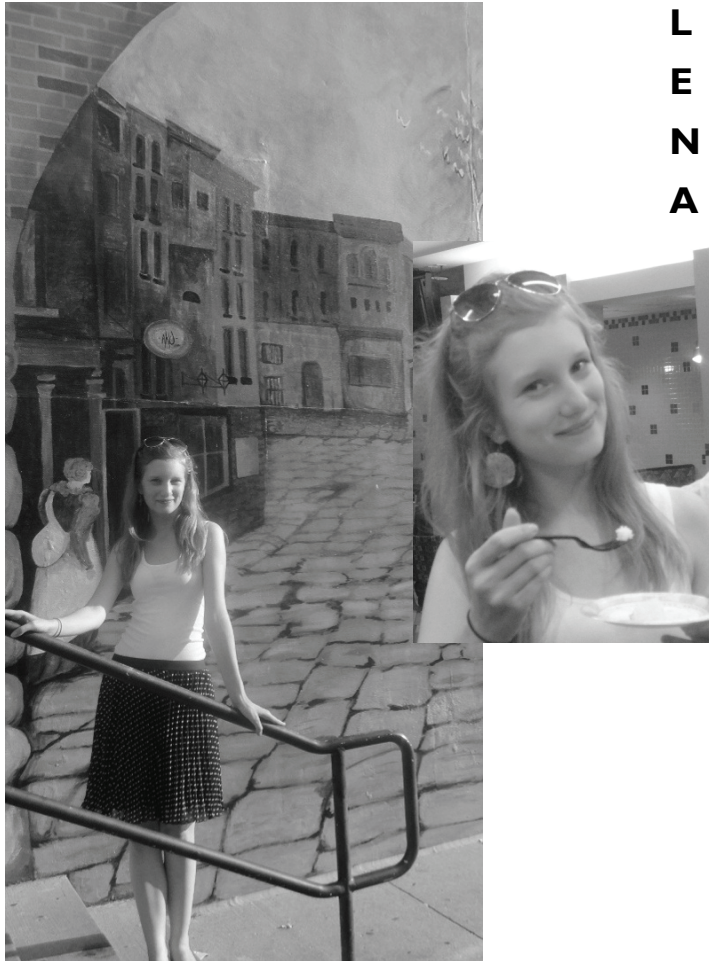
We are figments of the world's imagination. We are but particles of God's creation. We are the young writers of the world. Be proud to be a writer.

вовсю, угощая кофе и ванильным пудингом. Вот и мы посидим на деревянных качелях, подвешенных цепями к потолку террасы столетнего дома. Вечер.

Солнце засыпает раньше всех, оставляя город на попечение сумеркам. Сумерки – последний всплеск уставшей суеты. В это время, ненадолго, резко просыпается все, что скоро уснет. На верандах загораются фонари, разбрызгивая медовый свет на крючковатые темнеющие ветки деревьев. Слышатся голоса, сливающиеся в единую человеческую ежевечернюю полифонию сплетен и сожалений. Парадоксальная мелодичность этой музыки сотворена днем, чтобы сумерки ее завершили. На письменном столе ветер шелестит страницами дневника, тихо дописывая дни. Оранжево – сине – зеленые неоновые люди на торговых улицах, освещенные витрины – это окна в иные миры, миры без одежды, футбольных мячей, книг и фарфора. Из глубины садов и домов нежно журчит колыбельная. Та, что поет ее, не подозревает о том, что усыпляет не только своего ребенка в плетеной кровати, но и все вокруг. На небе боязливо зажглись семь космических светильников. Сияй, сияй, хрупкая робкая звезда, сияй, и пусть твой свет будет успокоением для всех, кто желает сна больше, чем жизни. В темной тишине закрывается последняя дверь. Город из фантазий Брэдбери погрузился в ночь.

Smolensk, Russia

E K
L U
E D
N R
A Y
A V
K I
N A

Authors Anonymous

Hi, my name is Annie and I am a writer. I have been writing for an indiscernible amount of time – a long time. It started one day, suddenly, when I got the uncontrollable urge to write. You know what I mean? It's that urge we get when the stories we read don't compare to the overactive imagination housed in our skulls. So, we pull out our paper and pens and write. We write the first ideas that pop into our heads, always following stories we've read or movies we've seen. We forget about them for a new story, and another, and another, and another. Our bookshelves fill with half-used notebooks and journals, skeletons of young dreams left by the wayside. *It's just a phase*, people say. For a while, you agree. Then away go the dark-inked pens, away go the notebooks, away goes the writers' dream – all subjected to the shelf. You may pick them up every once in a while to try a new way of writing, to record some funny joke that you heard that day, or just to see if you've still got it. You do. There's a dash of excitement, dulled, but excitement nonetheless. The once-beloved notebook that was your constant companion once upon a time finds its way back into your hands. You write, though your friends don't know or understand that side of you because for a while, being a writer is nerdy. The bad kind of nerdy: it's an embarrassment to show your writing or to even say that you do it. Again, the notebook may return to the bookshelf for short vacations but now, you're on the road with no U-turn. You're hooked. You're addicted. You don't go anywhere without even a scrap of paper or pen in case inspiration strikes. People who see you writing still wonder, *Is this really just a phase?* Knowing what they're thinking, you want to laugh at them and say a smart, witty comment about writers. Maybe quote a famous author that they'd never know. But no. Instead, you write it down. You don't care what anybody says about you and your writing habits anymore. You write everything down in your handy-dandy notebook, full of ink splotches

Colorado Springs, Colorado, USA

A R
N Y
N D
I L
E A
N D

Налево. Направо. Снова направо. Пересечение линий. Прямые углы. Возвращаешься назад, и каждое "налево" превращается в "направо". Так и идешь (нет, не идешь, даже бежишь) по этому лабиринту, ослепленный яркостью витрин, и не замечаешь ничего вокруг. Это лишь декорации, лишь мишура. Все бутафорское, ненастоящее, ненужное. Какие-то логотипы, марки, названия...Бесконечные ряды полок. Зачем? Прочь отсюда! Скорее!

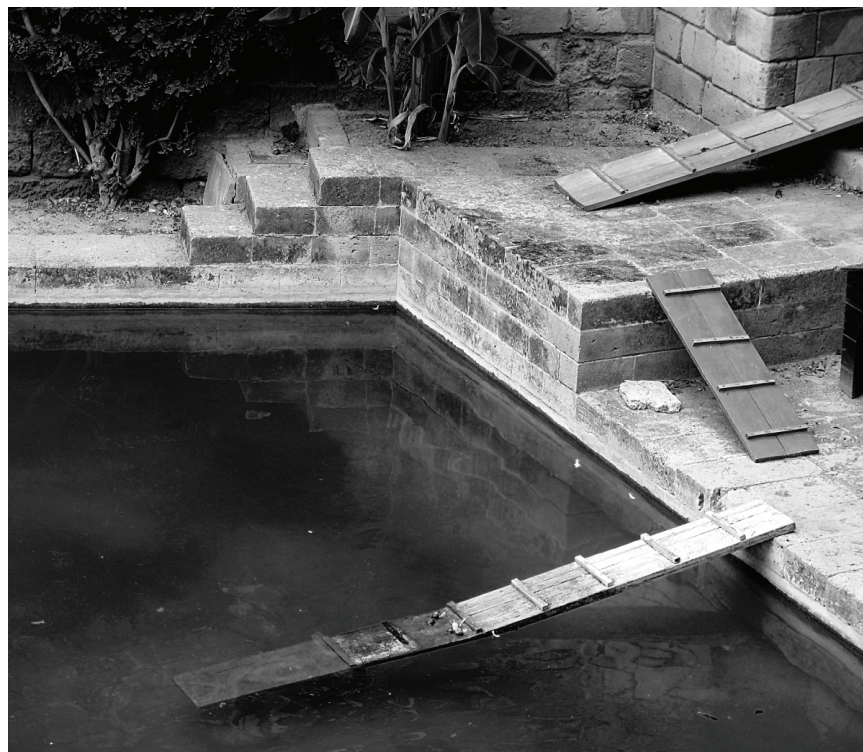
А в голове красным пунсоном мигает мысль. Идея. Цель. Найти, найти, найти! Чувствуешь, что осталось совсем чуть-чуть. Что это уже близко. Вот-вот можно будет протянуть руку и достать, схватить то, что идешь так давно. Но нет. За каждым поворотом все те же пестрые огни. Все те же одинаковые лица с заученными улыбками. Как стандартные фотографии типичной счастливой семьи в рамках, продающихся в магазинах. Все похожи одна на другую. Все одинаково пусты.

Но нужно идти. Все время идти. Не останавливаться. Налево. Направо. И снова налево. Прямо. Теперь постоянно прямо. Каждый чем-то торгует. Кто-то фруктами, а кто-то собой. Кажется, что здесь все покупается и продается. Абсолютно все. Разница лишь в цене. Так бежать отсюда! Снова бежать! Красный пунсон загорается все ярче и ярче. Поворот. Еще один поворот, быть может, последний. И очередной туннель из полок от пола до потолка. Налево. Направо. Снова направо.

L K
E Y
O Z
N M
I E
D N
K
O

Novosibirsk, Russia

and wait to be picked up,
thinking any minute now, any minute,
and meanwhile your hope wanes,
and you must, like Julia, phone your friend
to phone the person who can get you off the farm
because your group abandoned you,
how does that feel? Like the big house cracking
its knuckles, the floor grinding
beneath you, or worse? Calls were made.
When I got back
my roommate, it was close to midnight.
They stepped out of the idling van.
That night, Danila and I lost
our keys to the bathroom, separately,
and found them, separately, after much urgency.
Someone said: three ghosts haunt this floor,
taking our clothes, locking and unlocking the doors.

Somewhere Else.

Sometimes I feel a pain in my heart.
It's so hard every time I wanna fall asleep.
And the only thing that I can do every time when it happens Is to fly
away. To stars and the moon.
I'm going to try.
But how to find a suitable place
That will be the best? Can someone answer?
I'm now sleeping and dreaming about perfection, Making up good plans
how to set up connections
And go there.
I'm so upset.
I can't let
Myself be free
And fly somewhere.

Man With Dark Cowl

Wherever there is thunder,
Or just a simple rain,
People scared to stay outside.
They go home to avoid pain.

Cause he comes when bad weather
Starts a journey over town.
Man in suit of leather,
Who always wears a dark long cowl.

He always walks along
On the empty streets and parks.
Rain washes red tone
From his coat. It is a bloody mark.

He will do many bad things,
He will crush people's lives.
And will kill with sharp stings
First who looks in his blind eyes.

So stay at homes, you, nasty cowards.
I'll absorb your tricky souls.
No one can stay towards
My hot thunderbolts.
Cause I come when bad weather
Starts a journey over town...
 I'm a man in suit of leather...
 And I'll always wear a dark long cowl...

I cover up my excrement.
Jacob never came to this country
except to be buried.

Summer in Iowa

Someone shouted: everyone lock your doors!
Our two vans left the farm
at dusk in a storm of heat
and dust, following the owner's car. Someone must have forgotten
to headcount; turned out Julia and Danila were still
photographing tomatoes. I, like so many
in our group of writers, am guilty of repressing instinct.
I had a real feeling something was wrong.
An hour passed before the news began to drip:
Julia and Danila had been stranded on the fifty acre farm in Iowa,
USA
with two Buddhist dogs and several dumb, soft cats.
So they all enjoyed the air, separately, singing
separate songs of companionship
inside their separate skulls. A dog dreams of fences
to be jumped. A cat dreams of bone soup.
Later that day, dozing in the bathroom, I dreamed of missing shoes.
The sound of drilling woke me.
They were doing construction under our floor.
As one by one we gathered in the hall, all except for those absent,
I could feel the floorboards chattering underneath.
Danila and Julia had been left behind. Did you know?
Left behind! It was a phone call
that alerted anybody. How does it feel
to be left behind and to wait

Jacob

Now I pull off the highway of my history
into the wind-blown cornfields.

Somewhere under these dark blue clouds,
fast changing, my namesake
great-grandfather turns
like a top
in specious stillness
centered,
all six legs crossed,
hard-shelled,
the antennae ever reeling in my thoughts.

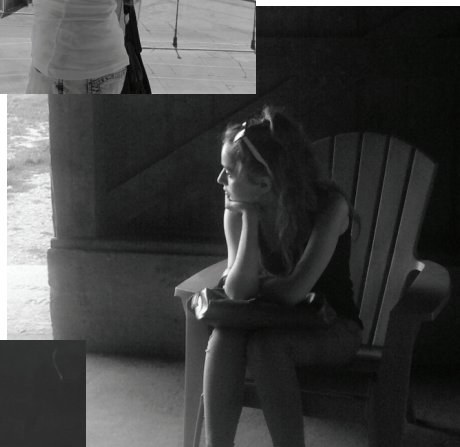
But I am hungry
so I peel an ear of corn
and swallow its lucent gold.
There is my great-grandfather
a tiny speck on that black and curling husk.
Him I will also swallow
to tender my muscles with his essence,
to bless my paroxysmal heart, the terminus
of blood cells, all with little suitcases of DNA
and foreign-sounding names.

Nudelman, the surname that has lived for how long?
Impossible to know—my father changed
but kept all the body
that gives thoughts home.
The cob is clean.
Then I need to go. I go.

Voronezh, Russia

S L
O A
F B
I Z
K H
O A
N
I
Y
A

A Morning Walk

Night opens in Iowa City, a spotted moth
off oak bark
to flutter at my window.
Yesterday, my country celebrated
its two-hundred thirty-sixth
birthday without me.

Around the old capitol, the red-eyed
men and women strapped with vacuums
suck up straws and empty facepaint tubes

and the hundreds of glowsticks,
which have, overnight, whitened
like cocoons bulging with wings.

A Boulder

So singular, so feminine in shape and habit.
Its presence seems a criticism of plurality.

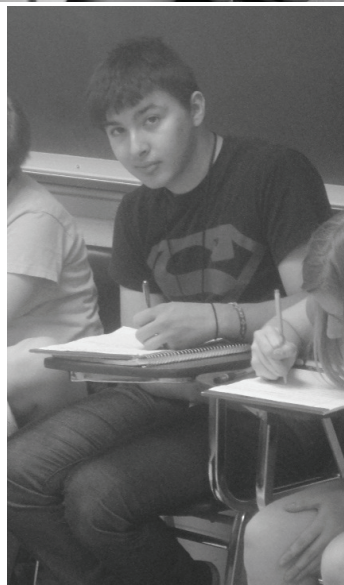
One says: pebbles, and means: hardened raindrops,
means the pits of peaches scraping bowl.

A boulder is to fill, weigh down, approach
infinite stubbornness. A boulder invites
the gravity of swelling women, is
a criticism of plurality: how mother and fetus

curl into one stone.

Solon, Ohio, USA

J O
 A E
 C T
 O T
 B

Прощание с тобой.

Я помню ночь. Я помню август,
 Что нежно злато в волосах
 Твоих раскидывал небрежно,
 Горел мерцанием в очах.

За что было угодно Богу
 Лишить меня свободы, сна,
 Вселить гнетущую тревогу,
 Что испивает кровь до дна?

Мое желание, моя награда –
 Тебя любовью наказать,
 Чтоб мучилась ты, изнывала,
 Как я пару секунд назад.

Теперь, любимая, вздохни спокойно,
 Ничем не потревожу впредь тебя.
 Судьба теперь сулит покой нам,
 Отдельно счастье – для тебя.

Не все ль равно, что было прежде,
 Как адским пламенем вскипала кровь,
 Как брали мы цвета под сердцем,
 Смешивая краски вновь.

Цвета ярче боли, текущей по жилам,
 Цвета ярче ночи, текущей по жилам.
 Они так стонали, они изнывали,
 Я чувствовал это.

Любовь остаться не хотела,
Взяла покой и улетела
В края, где ее никогда не познают,
Туда, где ее лишь блаженный познает.

Любовь моя, тобой дышал я,
Тебя желал я, проклинал,
Но дай уснуть, молю тебя я,
Дай умереть, прошу тебя.

Here it goes, I think to myself. I'm cheap, I go with any decor scheme. I'm a vintage classic. I'd be a wonderful surprise.

"Plus, you know, it goes with everything, it's just a classic vintage piece. Bet your wife would love it," grimy man winks.

"Don't have a wife. Just a futon."

"Eh, well regardless. A fine lamp."

No wife! Oh good heavens, this is it. This is my moment. Right here. Right now.

"Fifty bucks."

"Thirty."

"Forty-five."

"Thirty-five."

"Forty." They pause.

"Ok."

Yes! I would jump for joy if I could! He puts me in a truck and drives away. Yes, yes, yes! He parks the truck, and drags me inside. Sure enough, the house is bare and dark, with a lone futon on the floor. The man plugs me in and tugs my chain, and I light up the whole room. For once, for once, I can do what I was meant to do. Not sit in the dark, not gather dust, but illuminate.

The man sits with his legs crossed and lights a cigar. He takes a puff and exhales, as if to say, Here's to you lamp. Years from now, when this place is full of kids and crap and mementos, you will remember when it was just you and me and the futon, bathed in your unnatural orange light.

It's nice, I think, as the man settles down on his futon, to do exactly what you were meant to do.

H M
A E
N S
N H
A U
H L
A
M

Baltimore, Maryland,
USA

A Wonderful Surprise.

"Oh, it's hideous! Why on Earth would you buy it?"

"I thought you'd like it. I thought it was pretty. You really hate it?"

"Oh, John, of all the poor taste..."

"I'm sorry. I'll just put it in the attic."

John picks me up with a grunt and totes me through the parlor and up two flights of stairs.

"Of all the poor taste!" he mimicked his wife, my shade banging into a frame on the wall, knocking it askew. "For Christ's sake, you're not that ugly," he mutters, opening the door to the attic and setting me on the creaky floor.

Oh, I beg to differ sir, I think to myself. I am that ugly. You knew it when you bought me. You knew she'd hate me. Look around, for goodness sake, is anything else in this house bright orange?

John closes the door and I hear him walk away, back down the stairs.

"No one's loyal anymore," I think to myself. I wait patiently, unnaturally. The attic is quite dark. But I'm calm, and I wait. Cobwebs grow, and the door stays shut. Seconds pass, or maybe decades.

Suddenly, a man in a grimy pair of overalls and a sweaty hat barges in with about seven people who look just like him. "Pack this shit up, it's all getting sold," the man barks, and the toys and games and frames and golf clubs and jewelry and all the other forgotten things are packed into boxes. I am too oblong, so I don't get a casket, but I end up in the same place: another yard sale. That was where John bought me in the first place. He wasn't the first. I have spent my life in a circle. Husband buys me at yard sale. Husband surprises wife. Wife is disgusted. I go to the attic, or the basement, or wherever the forgotten things go. Then someone dies, or moves, and I'm right back to the yard sale once more.

"Nice lamp," a man says to the grimy overall man.

"Pretty cheap too," grimy man says.